

Белов Сергей Игоревич

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА РАБОЧИХ НА ЗАБАСТОВКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1914-1917 ГГ.

Статья посвящена изучению ограничения властями права рабочих на организацию забастовок в период Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.). Анализируется влияние на политику государства ситуации с выполнением госзаказа, случаями необоснованного проведения забастовок и активности организаций леворадикального толка на действия властей в отношении стачек.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению ограничения властями права рабочих на организацию забастовок в период Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Анализируется влияние на политику государства ситуации с выполнением госзаказа, случаями необоснованного проведения забастовок и активности организаций лево-радикального толка на действия властей в отношении стачек.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; забастовка; промышленность; государственный заказ; левые радикалы.

Сергей Игоревич Белов*Кафедра истории России**Ивановский государственный университет**Belov2006S@yandex.ru*

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА РАБОЧИХ НА ЗАБАСТОВКИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1914-1917 ГГ. ©**

Первая мировая война потребовала максимального напряжения экономики каждой из стран-участниц, и в первую очередь это касалось промышленности – поставщика обмундирования, оружия и боеприпасов для воюющих армий. В подобной ситуации любые сбои в работе предприятий могли обернуться крайне плачевными последствиями для фронта. По этой причине власти в большинстве государств, вовлеченных в войну, пошли на ограничение стачечной активности рабочих, и Россия в данном случае не была исключением.

Уже 29 августа 1914 г. был принят именной высочайший указ «О продлении срока действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о дальнейшем оставлении некоторых местностей Империи на положении чрезвычайной охраны» [5, с. 272]. В тексте данного закона не прописывалось каких-либо мер, имеющих прямое отношение к промышленному производству, однако впоследствии на его основании на местах был принят целый ряд локальных актов, регулировавших право рабочих на организацию и проведение забастовки.

В частности, опираясь именно на данный указ, владимирский губернатор В. Н. Крейтон воспретил на вверенной ему территории «подстрекательство и принуждение к стачкам и забастовкам рабочих, служащих на фабриках, заводах и всякого рода промышленных и торговых предприятиях». Помимо того, Владимир Николаевич пошел на такой шаг, как защита штрейкбрехеров, поставив вне закона «всякого рода действия, направленные к удалению поступивших на работу» и посягательства «по отношению к другим лицам с целью воспрепятствовать производить работу или исполнять обязанности». Совершение подобных правонарушений каралось арестом на 3 месяца или денежным штрафом до 3000 рублей. Показательно, что наложенные взыскания за нарушение указанных норм полиции полагалось приводить в исполнение не позднее 3-х дней с момента предъявления обвинения, что явно указывает на чрезвычайный характер данных законов [2, д. 1070, л. 44].

Впоследствии, в развитие ограничительного законодательства, 13 июля 1915 г. был выпущен циркуляр МВД, предписывавший усилить полицейский надзор за рабочим движением. Согласно этому нормативно-правовому акту, военнообязанные рабочие, получавшие отсрочку и остававшиеся на заводах, выполнявших заказы военного ведомства, в случае участия в стачках и неявки на работу должны были направляться на сборные пункты для отправки в действующую армию [7, с. 24].

Подобные меры были вполне обоснованы. Случаи принуждения отдельных рабочих к забастовке были достаточно распространены и в предшествующий войне период, и уже во время участия России в мировом конфликте.

К примеру, в июле–августе 1914 г. стачка, в том числе по политическим мотивам, произошла на прядильной фабрике Большой Кинешемской мануфактуры. Рабочие, по инициативе депутата IV Государственной думы от Костромской губернии большевика Н. Р. Шагова, потребовали не только повысить заработную плату, отменить штрафы, уволить некоторых мастеров и ввести 8-часовой рабочий день, но и прекратить преследования «за чтение прогрессивных газет». Итогом этого стала стачка, которая вскоре распространилась на все фабрики Вичуги, Родников и Середы. Таким образом, забастовка распространилась на территорию сразу трех уездов Костромской губернии – Кинешемского, Юрьевецкого и Нерехтского. При этом «неосознательные» рабочие, не желавшие бастовать или же согласные на удовлетворение только экономических требований, подверглись гонениям со стороны своих радикально настроенных коллег. В ход шли как угрозы, так и открытое применение насилия. В результате стачка охватила почти всех занятых на производстве, а политические и, частично, экономические требования бастующих были удовлетворены. Таким образом, право рабочих на защиту материальных интересов было использовано представителями большевиков для достижения собственных интересов, что не могло не послужить тревожным сигналом для властей. Именно такие эпизоды и послужили причиной появления в законодательстве чрезвычайных норм, ограничивавших возможность организации забастовки [1, с. 12-13; 5, с. 203].

Однако даже после начала действия соответствующих нормативно-правовых актов подобные случаи продолжали происходить. В качестве примера можно привести инцидент, произошедший осенью 1915 г. на Ярославской Большой мануфактуре (далее – ЯБМ).

Среди отельных работников предприятия на тот период уже длительное время распространилась идея о необходимости забастовки. Эти идеи распространяли представители традиционно влиятельной здесь фабрично-заводской группы РСДРП(б). Четыре раза – 15 сентября и 30 октября 1913 г., 7 января и 29 апреля 1914 г. – группу ликвидировали жандармы, однако она быстро возрождалась. Кроме того, агитацией среди рабочих занимались леворадикалы, служившие в расположенных на территории Ярославля воинских частях. В частности, 7 сентября 1915 г. исполняющий обязанности ярославского полицмейстера Р. Г. Доливо-Добровольский начальнику губернского жандармского управления Г. Р. Антониусу: «По дошедшим до меня сведениям, некоторые нижние чины расположенного во дворе фабрики Большой мануфактуры 254-го пехотного запасного батальона подбивают рабочих фабрики к забастовке в виде протеста против роспуска Государственной Думы, рассказывая о происшедших будто бы забастовках рабочих в г. Москве. Прибывшие из этого города нижние чины, по слухам, привезли какие-то прокламации» [8, с. 49].

Как итог, обстановка на предприятии накалилась до предела. Однако многие рабочие не желали бастовать, опасаясь лишиться заработка во время стремительного роста инфляции, а, следовательно, и цен. Уже к концу 1914 г. по сравнению с июнем того же года в губерниях Верхней Волги пуд крупы стал стоить 2 руб. 70 коп. вместо 1 руб. 75 коп., пуд гороха – 2 руб. вместо 1 руб. 40 коп., фунт керосина – 6,5 коп. вместо 5,5 коп., упаковка спичек – 20 коп. вместо 11 коп. Таким образом, цены возросли в среднем на 40% [3, д. 4489, л. 19]. В итоге многие из работников не пожелали присоединиться к самовольно прекратившим работы коллегам. Однако у сторонников забастовки нашелся особый подход к «несознательным».

15 сентября рабочий Точиллов, до этого выразивший несогласие участвовать в стачке, был окружен тремя «коллегами» – Тихоновым, Ципилевым и Кокуевым. Последние в ультимативной форме потребовали от Точилова присоединиться к сторонникам стачки, угрожая в противном случае выбросить его в окно 4-го этажа. Испуганный рабочий обратился к администрации мануфактуры, которая, в свою очередь, известила о случившемся жандармов и губернатора [4, д. 271, л. 133].

Уже на следующий день в столице губернии были опубликованы два объявления «главноначальствующего» Ярославской губернии князя М. А. Черкасского. Текст первого гласил: «Подтверждая изданное мною объявление о последствиях самовольного прекращения работ на фабриках, работающих на государственную оборону, объявляю забастовавшим рабочим Большой Ярославской мануфактуры, что если они не приступят к работам в понедельник 19 сентября в 4 часа утра, то все рабочие старой фабрики получают от администрации фабрики, согласно данным мною указаниям, полный расчет и паспорта, и фабрика будет закрыта на неопределенное время» [Там же, л. 137]. Второе же объявление отличалось большой жесткостью и содержало неприкрытую угрозу в адрес забастовщиков: «Сим объявляю рабочим и служащим фабрично-заводских предприятий, изготовляющих материалы для нужд военного ведомства, что, согласно разъяснению правительствующего Сената от 30 ноября 1910 г., всякое самовольное прекращение или приостановление работ в таковых предприятиях, как угрожающее безопасности государства, подвергает всех виновных уголовной ответственности по ст. 1359(3)–1359(8) уложения о наказаниях, причем дела этого рода, согласно положению о чрезвычайной охране, изъяты из общей подсудности с передачей их на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени» [Там же, л. 138].

Последнее объявление отрезвляюще подействовало на забастовщиков, и на некоторое время угроза стачки на одном из крупнейших предприятий Ярославля для местных властей исчезла. Соответственно, наложенные властями ограничения на проведение забастовки предотвратили срыв выполнения военного заказа, положили конец стычкам между работниками предприятия и защитили жизнь и здоровье людей, не желавших принять участие в стачке, мотивы проведения которой были по большей части не связаны с экономическим фактором.

Впрочем, в данном случае следует отметить, что через некоторое время на ЯБМ вновь была развернута большевистская агитация. В жандармских отчетах, в частности, содержится упоминание о работнике Карзинкинской фабрики (составной части комплекса мануфактуры) Г. А. Тихонове, который распространял среди своих коллег слухи о якобы охвативших промышленные районы Костромской и Владимирской губерний забастовках. На собрании, устроенном на квартире одного из его друзей, Тихонов уговаривал «карзинкинцев» присоединиться к движению, ссылаясь при этом на полученное от товарищей из Иваново-Вознесенска письмо [2, д. 1112, т. 2, л. 17].

При этом важно подчеркнуть, что карательные меры или угроза их применения использовались властью в первую очередь для предотвращения забастовок, имеющих под собой политическое основание или же подрывающих выполнение госзаказа. Во всех прочих случаях рабочие вполне спокойно проводили стачки. К примеру, когда 8 августа 1916 г. забастовали те же рабочие ЯБМ, требуя увеличения расценок, власти не предприняли против них никаких мер, так как участники стачки гарантировали, что она не затронет работу снарядного отдела [4, д. 271, л. 129]. Таким образом, при условии выполнения заказа интендантства и отсутствия политического подтекста возможность защищать свои экономические интересы посредством «сидячки» для работников предприятия была вполне реальной.

Также стоит отметить, что зачастую забастовки принимали характер едва ли не фарса. К примеру, в 1914 г. рабочие Переяславской бумагопрядильной фабрики отказались работать, потому что им не выдали обещанную награду в ожидаемом объеме в честь празднования 25-летия существования предприятия (владелец обещал

выдать каждому жалование за 2 недели, а на деле ограничился 1 рублем на человека). Позднее работники фабрики выдвинули абсолютно бессмысленные требования: сменить хозяина, отдать фабрику Правительству, выдать рабочим 200 рублей на водку. В тексте документа не уточняется, была ли это общая сумма, или же бастующие требовали предоставить каждому по две «кати» на приобретение алкоголя, однако на фоне прочих претензий последнее было вполне возможно. Стачка прекратилась лишь после того, как становой пристав предупредил рабочих от лица губернатора, что ее продолжение повлечет за собой локаут, арест зачинщиков и предание последних военному суду как лиц, подрывающих оборону государства [2, д. 984, т. 1, л. 36]. Соответственно, применение властями ограничений на проведение стачек было вполне оправдано и по той причине, что зачастую требования их участников не имели под собой никаких реальных оснований и были явно абсурдны.

Также необходимо подчеркнуть, что в период войны рабочие, начиная забастовку, в отдельных случаях предъявляли требования экономического характера не к владельцу предприятия, а к органам государственной власти или владельцам местных лавок. Чаще всего подобные выступления производились с целью добиться снижения такс на продажу продуктов питания частными торговцами (т.е. экономические причины преобладали над политическими). Так, 23 мая рабочие и служащие всех фабрик и заводов в г. Шуге прекратили работу и обратились к исправнику с жалобой на повышение крупными торговцами цен на продукты первой необходимости. 6 июня того же года рабочие фабрики Рогова в д. Куницыно, Ковровского уезда, прекратили работу и, не предъявив никаких требований владельцу предприятия, потребовали у полицейского пристава установить в местных лавках те же расценки на продукты питания, что и в г. Иваново-Вознесенске. 11 июня рабочие фабрики Каретниковой в с. Тейково, Шуйского уезда, прекратили работу и вышли на торговую площадь, требуя от местных торговцев понижения цен на предметы первой необходимости. В каждом из эпизодов власти в административном порядке повлияли на ценообразование, но местным жандармам и полиции были даны инструкции в случае продолжения забастовки арестовать зачинщиков, действия которых предполагалось рассматривать как уголовное преступление, и подвергнуть мобилизации всех военнообязанных рабочих предприятия, имевших отсрочки от службы [Там же, д. 1020, л. 9, 19, 186].

Таким образом, возникала парадоксальная ситуация: работники объявляли забастовку по причинам, которые не имели отношения к собственникам и администрации, и выдвигали требования, которые последние в принципе не были способны удовлетворить. В итоге возникала возможность того, что на предприятиях, выполняющих военные заказы, могла начаться стачка даже при условии отсутствия трудовых конфликтов. Все это опять же порождало необходимость создания определенных ограничений на проведение забастовок.

Интересно отметить, что некоторые фабриканты, взявшие на себя выполнение госзаказа, пытались использовать это в своих интересах. В частности, помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления отмечал в своем докладе от 30 марта 1915 г. неблагоприятную роль правления фабрики Ясюнинских в с. Кохма, Шуйского уезда, в возникновении трудового конфликта на предприятии. Как было отмечено в докладе, правление, получив на выгодных условиях заказы от интендантства, вместе с тем назначило такие расценки, при которых оплата труда рабочих сократилась почти вдвое. Когда же работники потребовали увеличить зарплату, администрация отказалась выполнить их требование. Как отмечал жандарм, действуя таким образом, правление рассчитывало на то, что «рабочие побоятся объявить забастовку, вырабатывая материалы, необходимые для действующей армии». Однако работники, не считаясь с возможными последствиями, все же организовали стачку. Но власти так и не успели отреагировать на факт забастовки на мобилизованном предприятии. Владельцы, опасаясь санкций со стороны государственных структур, которые могли указать на собственников как на истинных виновников случившегося, поспешили удовлетворить требования рабочих, и забастовка была прекращена [Там же, л. 96].

Таким образом, в период Первой мировой войны власти пошли на ограничение права на организацию забастовок. Подобное было связано как со стремлением обеспечить бесперебойную работу промышленных предприятий по выполнению госзаказа, так и с желанием положить конец деятельности левых экстремистов на фабриках и заводах. Революционеры провоцировали, в том числе путем дезинформации, рабочих на выступления, даже когда у забастовки отсутствовало реальное экономическое обоснование, настаивали на включение в предъявляемые к администрации требования политических пунктов. В результате возникали стычки между работниками, в ходе которых сторонники стачки угрожали не желающим присоединиться к ним людям физической расправой. Кроме того, в отдельных случаях бастующие выдвигали явно абсурдные требования, и сама стачка превращалась в совершенно бессмысленную акцию. Также зачастую работники начинали стачки по причинам, не имеющим отношения к собственникам и администрации предприятия (таким как рост цен на предметы первой необходимости), и выдвигали требования, которые последние в принципе не были способны удовлетворить (как сокращение цен местными торговцами).

Все это грозило срывом выполнения военных заказов и распространением левых идей среди работников предприятий. Как итог, у власти возникала потребность ограничить право на проведение «сидячек». На практике это вылилось в запрет на проведение стачек в том случае, если они срывали работу над военными заказами. Помимо того, была введена ответственность за принуждение к участию в забастовке. Срыв выполнения госзаказа в результате стал рассматриваться как уголовное преступление, находящееся в юрисдикции военного суда, т.е. подразумевающее упрощенное производство дела. Стачка, мешающая выполнению заказов для армии, могла обернуться также локаутом и отменой отсрочек от службы в армии для военнообязанных рабочих. Подобные меры опирались как на нормы дореволюционного законодательства, так и новые правовые акты, принятые уже в ходе конфликта с Центральными державами. Взяв их за основу, региональные власти разрабатывали документы, действовавшие на местах, с учетом специфики конкретной губернии.

При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на ограничения, рабочие могли бастовать, если их действия не препятствовали выполнению госзаказа и не имели явно политический подтекст. В свете этого действия властей представляются скорее попытками ввести практику стачек в разумные рамки. При этом отдельные недобросовестные промышленники пытались использовать наложенные на проведение забастовок ограничения, чтобы сократить зарплату рабочим, рассчитывая, что власти не допустят забастовки на предприятии, выполняющем военный заказ.

Список литературы

1. Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1978. 552 с.
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 704. Оп. 1.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 266. Оп. 1.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 906. Оп. 1.
5. Законодательные акты, вызванные войной 1914-1916 гг.: Законы, Манифесты, Рескрипты, Указы, Положения Совета министров, Военного и Адмиралтейств-Советов, Распоряжения и Постановления Министров и др. Изд-е 2-е. Петроград, 1915. Т. 1. 586 с.
6. Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления товарищу министра внутренних дел Джунковскому // Политические партии и общество в России 1914-1917 гг. М., 2000. 366 с.
7. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. 225 с.
8. Чукарев А. Г. Губернская жандармерия в последнее десятилетие царизма. М., 1998. 231 с.

**RESTRICTION OF WORKERS' RIGHT TO STRIKES IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING
THE FIRST WORLD WAR: BY THE MATERIALS OF UPPER VOLGA REGION IN 1914-1917**

Sergei Igorevich Belov

Department of Russian History

Ivanovo State University

Belov2006S@yandex.ru

The author studies the restriction of workers' right to organize strikes by the authorities during the First World War (1914 - February 1917), and analyzes the influence of the situation with state-guaranteed orders implementation, and the cases of unreasonable strikes on state policy, as well as the influence of left-wing radical organizations activity on the authorities' actions in relation to strikes.

Key words and phrases: the First World War; strike; industry; state-guaranteed order; left-wing radicals.

УДК 94(47).05.06

Исторические науки и археология

На основе синтеза архивных и других источников автор проанализировал организацию выпуска из военно-специальных артиллерийских и инженерных школ, порядок присвоения выпускникам школ чинов и распределения их на должности в войска для дальнейшего прохождения военной службы в первой половине XVIII столетия. Основное внимание в работе уделяется освещению вклада военно-специальных артиллерийских инженерных школ в развитие артиллерийского и инженерного дела, а также в укрепление обороноспособности России в первой половине XVIII в.

Ключевые слова и фразы: XVIII в.; Московская инженерно-артиллерийская школа; Московская артиллерийская школа; Санкт-Петербургская артиллерийская школа; Санкт-Петербургская инженерная школа; М. В. Данилов; М. Г. Мартынов.

Владимир Николаевич Бенда, к.и.н., доцент

Кафедра философии

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

bvn.1962@mail.ru

**ВКЛАД ВОЕННО-СПЕЦИАЛЬНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ И ИНЖЕНЕРНЫХ ШКОЛ
В УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ[©]**

Рассматривая вопросы организации деятельности военно-учебных заведений, готовящих кадры для артиллерии и инженерных войск в конце XVII и на протяжении XVIII столетий нельзя обойти вниманием такой важный вопрос, как результативность их деятельности, их вклад и вклад выпускников указанных